

9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 126. Л. 85.
10. Партийное строительство. 1942. № 20. С. 45.
11. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 228. Л.39.

Маслюженко Д.Н.

Генеалогия кочевых обществ как способ преодоления кризисных ситуаций

В кочевых обществах средневековья одной из главных ценностей всегда выступала принадлежность к определенному роду, его происхождение и знатность. Однако после монгольских завоевательных походов и проведения военно-административных реформ на территории Империи роль кровно-родственных отношений в среде подчиненных народов на некоторое время оказывается значительно снижена. Хотя у самих монголов власть продолжает передаваться по наследству в Золотом Роде Чингизидов при уничтожении знати всех конкурирующих племен.

Однако массовое уничтожение знатных кочевых семейств вызывало внутреннюю неустойчивость образованной в ходе завоевания Империи и не способствовало ее интеграции в единый механизм. В оседлых государствах эта проблема была решена с помощью признания прав местных династий, как на Руси Рюриковичей, на властные полномочия внутри общества. Однако эти властные полномочия носили уже не сеньориальный, а вассальный характер, завися от утверждения ханом в Сарае или Каракоруме.

Отношения с номадами в первой половине XIII в. были гораздо более сложными. Кочевники занимали экологическую нишу, необходимую самим монголам для дальнейшего развития этноса. Война за кочевья приводила к жесткой позиции по отношению к сопротивляющимся, оставшаяся часть которых, спасаясь от уничтожения, была вынуждена бежать в северную лесостепь, приспособившись к новым условиям ведения хозяйствования. В тоже время проведение дальнейших завоеваний требовало включения номадов в состав армии, что вызывало необходимость в определенном уровне взаимодоверия. По всей видимости, одним из способов достижения внутренней интеграции кочевой части империи было введение новой идеологически обусловленной генеалогии, доказывающей божественные права Чингиз-каана на верховную власть. Подобный способ преодоления внутреннего кризиса дезинтеграции был традиционен для кочевых обществ (5, 55), еще с эпохи Тюркского каганата рода Ашина. При это с точки зрения современного исследователя эта генеалогия носит вымышленный, фантастический характер, с точки зрения кочевника монгольской империи она была реальна.

В частности, интересно, что сам Темуджин (будущий Чингиз-хан), по всей видимости, не имел прав на высшую ханскую власть, ибо его отец и дед носили лишь титул бахадура. Е.И. Кычанов, подробно рассмотрев

генеалогию Темуджина как «природного хана», отмечает, что он «был не из самых знатных по происхождению...» (4, 84). Чтобы легализовать его права, было предложено родословие о происхождении его отца от последнего монгольского кагана Хутули-кагана (2, 176). Скорее всего, это в целом соответствовало истине, но нужно было учитывать, что Темуджин принадлежал лишь к боковой ветви рода, которой никогда не принадлежал высший ханский титул (так, уже при Чингиз-каане Золотой Род, имеющий право на ханскую власть, был ограничен потомками четырех старших сыновей). В целях сакрализации власти вводилась и легенда о Алан-Гоа, матери Бодончара, предка Чингиза, которая родила сыновей от светло-русого человека с неба (бога Тенгри) (3, 80). Кроме того, сравнительный анализ «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, позволил С.В. Дмитриеву сделать любопытный вывод. Автор считает, что в конце XII в. за верховный ханский престол в монгольской степи в основном боролись представители кераитской династии, к которой Темуджин не принадлежал, хотя реально обладал гораздо большей силой и властью. В результате разумной политики он был усыновлен главой кераитов Ван-ханом, кроме того, была сделана и попытка заключения династийного брака Чжочи с кераитской принцессой Чаур-Беки. Однако даже после этого основным его соперником оставался сын Ван-хана Сангун, лишь гибель которого позволила Темуджину официально «короноваться». Даже после этого в летописях некоторое время упоминается личное благословение Ван-хана на это (1, 25-27). Таким образом, в генеалогии самого Темуджина, оказавшего значительное влияние на изменение образа жизни средневековых кочевых обществ, изначально оказалось переплетено несколько случаев фальсификации. Вполне естественно, что они были необходимы ему лишь на ранних этапах борьбы за власть, позднее же никем уже не оспаривались.

Интересно то, что спор Тогрула, Ван (Онг)-хана керейтского и Темуджина, Чингиз-каана имел и более удаленные по времени последствия, причем связанные уже не со степями Монголии, а с историей лесостепной части Южного Зауралья и Западной Сибири (в географической терминологии того времени «страна Сибирь», как мы и будем ее называть). Эта территория с 1207 г. начинает входить в состав улуса Джучи и его потомков, лишь из числа которых могли быть избраны ханы. При этом необходимо учесть, что на протяжении XIII в. она была распределена между тремя улусами: Шибан-хана (западная часть), Орды-Ичена (центральная часть) и Тука-Тимура (восточная часть). Лишь междоусобицы конца XIII века приводят к изменению границ, в ходе которой Шибаниды теряют часть земель в Средней Азии и начинают распространять свое влияние на «страну Сибирь». Однако и теперь до конца XIV в. (смерть Тохтамыш в Чимги-гуре - Тюмени) восточная часть земель по Иртышу остается в руках потомков Тука-Тимура, а часть земель по Ишиму еще и

в XV в. остается у потомков Орды, под руководством которых формируются казахи.

В конце XV века, около 1495 г., сибирская династия Тайбугидов устраивает переворот против Сибирских Шибанидов и захватывает власть в северо-восточной части Сибирского юрта, перенося столицу в Искер (8, 56). Фактически представители этой династии не имеют прав на ханскую власть, не являясь Джучидами или Чингизидами. Возможно, это не имело значения для внутренних дел. Сибирское княжество, хотя и было весьма не прочным объединением местной татарской и угорской знати, вело борьбу с Кучумом, поддержанным ногаями и Хорезмом, в течение 8 лет. Однако для нормального функционирования государства необходимы были прочные внешние связи.

В 1555 г. Едигер бек Тайбуга обратился с просьбой о принятии княжества в русское подданство с обещанием платить дань. Было получено согласие Ивана IV, хотя фактически заключенный союз ничего не дал. Сибирские князья надеялись получить военную помощь, но ее русский царь тех внешнеполитических условиях дать не мог. В тоже время он постоянно требовал выплаты дани. По всей видимости, подобная позиция была связана и с не стабильность положения самих беков, о чем не могла не знать Москва. В поздней грамоте царя Федора Иоановича к сибирскому царю Кучуму упоминается, что союз был не равноправен: «...после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князь Табучи на роду Магмет князь, а после него Кадый князь...». Из этого следует, что в международных отношениях Тайбугиды испытывали большие проблемы в связи с княжеским, а не ханским происхождением.

Однако такое положение теоретически могло быть исправлено, если бы Тайбугиды могли доказать свое не менее древнее и славное происхождение. Шеджере (родословие) рода сохранилось в Есиповской, Строгановской и других сибирских летописях, а также «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. Наиболее полно оно отражено в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. По одной из версий, предлагаемых источниками, предком Тайбугидов был Он или Он-сом-хан по С.У. Ремезову (9, 551) (Иван-хан), живший, по всей видимости, во времена Чингиз-хана. Г.Ф. Миллер пишет: «На реке Ишиме ... жил много лет тому назад один татарский князь или хан ... по имени Он, которому были подчинены не только живущие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, но и окрестные вогулы и остяки. Против него восстал один из его подданных по имени Чинги, лишил своего государя жизни и был признан вместо него ханом всеми татарскими родами той страны». Сын убитого хана Тайбуга спасся, а в дальнейшем получил от Чинги покровительство и собственный двор на реке Туре (7, 189).

Интересно, что в целом эта версия совпадает с общепринятой в русских, грузинских и армянских летописях XIII-XV вв., по которым Чингиз считался лишь «генералом», поднявшим бунт (1, 28). Гильом де Рубрук в

отчете о своем путешествии на основании слухов восстанавливает такую же историю восшествия Темуджина на трон (10, с.114). Все эти версии были основаны на устных преданиях народов Дешт-и кыпчака, подчиненных монголами. В «страну Сибирь» она могла проникнуть еще в начале XIII в., когда в ходе борьбы часть найманов, меркитов и керейтов отступает на самую кромку тайги по Иртышу.

Исходя из подобной легенды, Тайбугиды обладали не только не менее древними правами на власть над данной территорией по-своему происхождения от Онг-хана, но даже имели преимущество над потомками Чингиза. Сам Чингиз признавался разбойником, выступившим против своего хана и сюзерена, то есть узурпатором власти. На крайний случай в легендах была оставлена еще одна лазейка, в случае не принятия такой версии генеалогии. Она заключалась, в том, что власть над Сибирью была передана самим Чингиз-кааном, а соответственно может быть приравнена к власти его потомков. В таком отношении борьба Тайбугидов могла быть признана восстановлением утраченных прав (6). Причем особенно важным для них казалось не столько получение военной помощи, сколько упрочнение торговых отношений с европейской частью. С этой целью они заручились поддержкой части ногайской знати, имевшей давние связи с Москвой (12, 310). Традиционная прибыльная торговля со Средней Азией в их правление во многом стихает и не может обеспечить всех союзных вождей.

Интересно, что это был не единственный случай фальсификации родословных властителей в государствах, возникших после распада Золотой Орды. Приведем лишь один пример, который во многом близок к разобранному, хотя и был найден иной выход из ситуации. Вопреки всем обычаям, в Ногайской Орде сумели утвердиться не-Джучиды, а потомки золотоордынского военачальника беклярибека Эдиге из племени мангытов. Естественно, что он не мог быть признан соседними государствами Джучидов равновеликим государем. Выход был найден за счет составления фантастической версии происхождения Эдиге от халифа Абу Бекра, тестя и преемника Пророка, через святого проповедника Ходжа – Ахмеда Баба – Туклеса. В мусульманском обществе, каковым были наследники Золотой Орды, такое обоснование легитимности власти могло быть вполне приемлемым (11, 177).

Таким образом, идеологически обусловленная генеалогия, пусть даже и фальсифицированная, выступала важным фактором борьбы за власть и внешнеполитическое влияние среди постмонгольских обществ, причем это средство, по всей видимости, является традиционным для кочевых династий.

1. Дмитриев С.В. Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. П. Ван-хан // *Mongolica* – IV. СПб., 1998.

2. Кляшторный С.Г., Султанов Ф.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2000.
3. Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.
4. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995.
5. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
6. Масложенко Д.Н. Генеалогические легенды как фактор захвата власти (к проблеме ценности рода в кочевых обществах монгольского времени) (в печати).
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937.
8. Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV- XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999.
9. Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVIII в. Кн.2. М., 1989.
10. Де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М., 1997.
11. Трепавлов В.В. Генеалогические легенды в Дешт-и Кипчак XV-XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XIII. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001.
12. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Менщиков В.В.

**Историческая локализация (микроистория)
в системе гуманитарного знания**

Рассуждения о кризисе современного гуманитарного знания и методологии истории стали сегодня «общим местом», что, впрочем, не снижает актуальности данной проблемы. В этих условиях происходит активное развитие самых разнообразных методологических подходов. Одним из наиболее перспективных, по нашему глубокому убеждению, является историческая локализация. Возникшее еще в годы «перестройки» ощущение эвристической ограниченности универсалистских концепций (например, марксистской социологии) с неизбежностью вывело гуманитарное знание на изучение локальных исторических объектов. Отметим, что подобное направление стало развиваться в рамках западноевропейской историографии еще в 1970-х гг., прежде всего в работах ряда итальянских историков, получивших общее название «микроистория» (1).

Историческая локализация (этот термин, на наш взгляд, более четко фиксирует его конкретное содержание, чем микроистория, хотя в рамках данной статьи эти понятия используются как синонимичные), как научное направление чаще всего ассоциируется в отечественной историографии с историческим краеведением, как оппозиция по отношению к изучению глобальных, по крайней мере, национального масштаба, процессов. Однако это не совсем адекватно отражает ситуацию, поскольку предметная область данного направления значительно шире и включает в себя локальные объекты самого разного масштаба от конкретного человека до целого региона. При этом термин «локальность» может пониматься не только в территориальном и человеческом измерении, но и во временном аспекте (причем не только как исследовательский объект ис-